

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 31, Is. 3, pp. 76–83, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-31-3-76-83
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 392

‘Bride Purchasing’ Rites among the Kalmyks and Stavropol Turkmens in the First Half of the 19th Century: Common and Specific Features

Valery V. Batyrov¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation).
E-mail: batyrovvv@kigiran.com

Abstract. With evidence from materials of the National Archive of the Republic of Kalmykia and State Archive of Stavropol Krai, the article studies the ‘bride purchasing’ rites among Turkmens and Kalmyks in the first half of the 19th century. The paper considers the bridewealth (Turk. *qalym*) custom of Southern Russia’s nomads supposed to protect economic interests of a young family. The author presumes that bridewealth disappeared among the Kalmyks earlier and turned into a wedding contribution constituted by what was necessary for the wedding feast and that what could economically support the newly established family. At the same time, as distinct from the Kalmyks whose match-making procedures were lengthy enough, the Turkmens simply had no such rites at all.

It is noteworthy that when it came to the size of bridewealth, the Turkmens faced significant problems resulting from differing interpretations of the essence of bridewealth by *adat* and Islamic law. Despite the increasing role of the Muslim clergy in Turkmen society, they could not affect the once established views on *qalym* as ‘bride purchasing’ throughout the 19th century. It should be mentioned separately that – unlike Kalmyks – in rare instances Turkmens submitted not only money and livestock but also subjects (humans) as part of *qalym*.

The religious policies of the Russian Government towards Kalmyks and Stavropol Turkmens resulted in an increased role of clergy in wedding rites which – in the context of the crisis of nomadic economies predetermined by the dramatic reduction of pastures in the first half of the 19th century – gave rise to the widespread occurrence of ‘bride abduction’ practices.

Keywords: bride purchasing, *qalym*, nomads of Southern Russia, Kalmyks, Stavropol Turkmens, family and marriage, traditional culture, customary law.

В традиционном кочевом обществе брак являлся важным и рубежным событием, которое знаменовало собой рождение новой ячейки общества и сопровождалось многочисленными обрядами. Кроме этого, брак имел важное значение в хозяйственной деятельности семьи как возможность укрепить ее благосостояние. Ведением домашнего хозяйства преимущественно занималась женщина, которая являлась основной производственной единицей в семейном хозяйстве. Семья невесты в этом случае рассматривала брак как возможность получить компенсацию (в виде калыма) за «потерю» работницы, а также возместить затраты на приданое. Сама невеста после заключения брака меняла свой статус в обществе, а калым наравне с приданым становился вкладом двух семей в формирование общего имущества будущей семьи. О важности этого события в жизни молодых людей говорит тот факт, что в свадебной терминологии калмыков отсутствуют термины, прямо обозначающие свадьбу и брак. Факт вступления в брак скрывался за эвфемизмами [Шараева 2011: 84].

При заключении брачного договора обычное право у калмыков и туркмен предусматривало два вида запретов вступления в брак: кровосмесительные и социальные. Кровосмесительные запреты распространялись на кровных родственников, и, поскольку в улусе кочевники объединялись по родственному признаку, то калмыки и туркмены старались выбирать невест из других родов. Родственные связи учитывались, прежде всего, со стороны отца, так как родство велось по отцовской линии. Социальные запреты были связаны со статусом семьи, который определялся ее экономическим положением и знатностью происхождения. У калмыков также существовал третий вид запрета: соответствие или несоответствие будущих супругов друг другу — *харш* ('несовместимость'). Жених и невеста должны были подходить друг другу как духовно, так и физически, должны были гармонизировать «между собой все органы, все мышцы супругов». В случае же такого несоответствия, как считалось, в семье должны были происходить различные несчастья, болезни, раздоры и прочее, вплоть до смерти одного из супругов [Душан 1976: 47–48]. Только при соблюдении всех этих условий молодые люди могли вступить в законный брак, главным условием которого был свадебный

взнос у калмыков или калым у ставропольских туркмен.

Обычай уплаты калыма у кочевников Центральной Азии служил защитой экономических интересов отдельного хозяйствующего субъекта (семьи) через объединение родов жениха и невесты и координирование всех действий путем обеспечения баланса их интересов [Айтбаева 2016: 188]. Д. Д. Шалхаков считал, что калым можно разделить на три составляющих: оплату за невесту (собственно калым) — выкуп, остающийся в семье родителей невесты; свадебный вклад — взнос, предназначенный для свадебного пиршества; хозяйственный вклад — взнос, являющийся вкладом в хозяйство вновь созданной семьи. Однако Д. Д. Шалхаков утверждал, что, если говорить о калмыках, то у них взнос со стороны жениха включал «свадебный вклад» и «хозяйственный вклад», но исключал «оплату за невесту». На этом основании он считал, что у калмыков отсутствовал калым. Одним из свидетельств этого явления он считал отсутствие в калмыцком языке слова для обозначения понятия «калым» [Шалхаков 1982: 19–21]. Позднее М. М. Батмаев на основании изучения широкого круга архивных источников, не противореча выводу Д. Д. Шалхакова, пришел к заключению о том, что в более ранние периоды калым у калмыков в той или иной форме все-таки существовал. По мнению М. М. Батмаева, исчезновение калыма у калмыков было связано с изменением форм брака в XVIII в. [Батмаев 2008: 168].

Общим между калмыками и туркменами стало то, что роль священнослужителей в свадебной обрядности резко возросла по сравнению с предыдущими периодами. Брак в Российской империи рассматривался как религиозный акт, поэтому решение важнейших семейно-брачных вопросов власти в XIX в. отдавали в руки представителей основных конфессий [Бакиева 2010: 111]. Так, у калмыков дата свадебной церемонии полностью зависела от буддийских священнослужителей астрологов-зурхачи, которые определяли время ее проведения, а также соответствие или несоответствие жениха и невесты. В начале XIX в. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко писал, что «Гелюнди должны сообразить день рождения обоих и назначить день брака, коих очень редко в году бывает» [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.]. Определение

этой даты не только занимало большое количество времени, но и требовало материальных трат на подарки астрологам от обеих семей. Примечательно, что туркменские муллы тоже выполняли ту же самую функцию по определению благоприятной даты свадебных обрядов. СНОСКА

В традиционном кочевом обществе ставропольских туркмен свадьба всегда проходила согласно нормам обычного права — адата. Между тем, введение норм шариата среди туркмен привело к тому, что муфтии¹ и кадии часто стали вмешиваться в свадебные дела. Внутренняя политика российского правительства, направленная на введение представителей мусульманского духовенства в систему управления туркменским народом, привела к тому, что нормы шариата стали превалировать над обычным правом. В начале XIX в. разбор судебных дел у туркмен производился по большей части кадиями, которые обладали судебной властью. Помощниками их были муллы, контролировали же их действия «мухтасины», а высшей юридической инстанцией был муфтий. При разборе дел часто руководствовались устными законами, переходившими от поколения к поколению. Однако шариатский суд медленно вытеснял старые традиции на протяжении всего XIX в. С. В. Фарфоровский утверждал, что в «делах брачных, семейных и наследственных шариат вытесняет народные обычаи» [Фарфоровский 2011: 252–54]. Примером всевозрастающей роли шариатского суда служит дело 1828 г. по жалобе «трухменца Игдырова рода Менгли Бельгельдиева о вышедшей его жены в замужество за Киргизбая Италмазова». Истец подал прошение, в котором писал, что «Казакчиева рода трухменец же Кыргызбай Италмазов взял самоправно его Менгли законную от детей и жену и оженился». Однако при даче показаний Кыргызбай Италмазова выяснилось, что он вступил с женой Менгли в брак с позволения Муфтия Акзал Кузата, в то время когда сам Менгли находился в бегах в Астраханской губернии вместе с козакчиевым родом [ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 593. Л. 3].

У калмыков до свадьбы родители жениха и невесты должны были пройти все необходимые этапы сватовства (обычно три)

¹ Муфтий — высшее духовное лицо у мусульман, наделенное правом решать религиозно-юридические вопросы и знающий законы шариата.

со всеми полагающимися подарками родителям невесты. Сумма подарков заранее обговаривалась и зависела от материального положения семьи жениха. Так, в 1839 г. малодербетовский зайсанг Балтык Бороманджиев в ходе сватовства преподнес в качестве подарков ее семье две лошади и деньги (400 руб.) [НА РК. Ф. 42. Оп. 1. Д. 20. Л. 13]. В отличие от калмыков, у которых сватовство невесты представляло собой достаточно длительный процесс, у туркмен сватовство как таковое просто отсутствовало. На встрече старших родственников обсуждались условия проведения церемонии, сумма калыма, и назначалась торжественная дата. В качестве подарков обычно выступали продукты, вещи, скот или денежные средства. Однако и у калмыков, и у туркмен процедура выплаты свадебного взноса, который представлял собой внушительную сумму, могла растянуться на длительное время.

У туркмен основной проблемой при установлении калыма было расхождение норм адата и мусульманского права, которые трактовали суть калыма по-разному. В обычном праве калым выступал как выкуп за невесту, предназначенный родителям невесты, после чего она считалась собственностью семьи мужа, а в шариате — как подарок будущей жене в качестве одной из форм обеспечения жены на случай развода и других непредвиденных обстоятельств [Гоов 2015: 53]. Однако, несмотря на все более возрастающую роль мусульманского духовенства в туркменском обществе, повлиять на устоявшиеся взгляды на калым они не смогли в течение всего XIX в. Поэтому, учитывая тот факт, что у туркмен калым был не просто свадебным взносом, но и «покупкой невесты», можно сделать вывод, что для семьи невесты он представлял собой возможность для обогащения. Нормы обычного права были направлены на сохранение семьи, так как в этом было заинтересовано общество. При расторжении брака по инициативе мужчины он терял право требовать калым обратно. Если женщина выходила замуж второй раз, то ее семья могла получить калым за новый брак [Наумкина 2014: 149].

В первой половине XIX в. туркмен из рода Сунджен Яраул Магомбет Андинов подал прошение туркменскому приставу подпоручику Янковскому, в котором писал, что: «По случаю нахождения в Кавказской области и за отлучкой вашею по болезни из кочевьев наших прибыл в Ставрополь, что-

бы подать начальнику Кавказской области Вельяминову жалобу на туркмен со мною ведомства: Ахия Нобат Дурдиева и Хезан Алабердиева с соучастниками их» в том, что «Дурдиев имея вдовую дочь Ак Султан (по умершему ее мужу Хурманбаеву) назад тому недели две засватал за меня в замужество по добромому вольному ее желанию с условием взять с меня за нее калыму на 800 руб., и получив от меня вперед сто рублей серебром по курсу и два голанских червонца. После чего в кругу родственников было совершено по обряду нашему Ак Султан со мною законное бракосочетание» эфенди Чапар Берды-Нефес Неязаловым². На обряде также присутствовали «посторонние» почетные люди: Сай Муратов, Аллу Беренови Тангры Бердиев. На этом основании Магомбет Андинов вполне обоснованно считал, что Ак Султан стала его законной женою и находилась с ним в законном супружеском союзе. После обряда М. Андинов отправился к себе домой для сбора остальной части калыма, «желая вскоре вернуть его тестю Дурдиеву в полном объеме», и оставил свою новую жену на попечение тестя. Однако, как после узнал заявитель, «будучи обольщенным Ала Бердиевым великим корыстолюбием насильно выдал ему замуж свою дочь снова, без ее согласия. Который пригласил на соучастие в злодеянии Нияза Махамбет Давыдова, Дияже Амамбаева и Сахая Курбанова» [ГА СК. Ф. 408. Оп. 15. Д. 823. Л. 2].

В описанном случае нас удивляет не корыстолюбие отца невесты, а недалекость новоявленного мужа, который уехал к себе домой без жены. Ответ кроется в многочисленных жалобах туркменского населения на невыполнение свадебных договоренностей. Иногда по соглашению сторон определенная часть калыма (обычно половина суммы) могла быть уплачена после свадьбы, и в таких случаях порой семья жениха «забывала» или уклонялась от обязанности выплачивать полную сумму калыма. Видимо, и в этот раз тесть просто не дал увезти свою дочь без выплаты полной суммы калыма, а затем и вовсе изменил свое решение.

Наиболее радикальным способом избежать расходов на калым или свадебный взнос у калмыков и туркмен всегда являлось похищение невесты. Брак умыканием, или заключение брака через похищение невесты, является одной из наиболее древних

форм брака у народов Центральной Азии. В свадебной обрядности калмыков и туркмен первой половины XIX в. можно выделить два основных способа заключения брака: путем умыкания невесты и путем сватовства. Исследователь семьи и брака у калмыков Д. Д. Шалхаков отмечал, что вплоть до 20-х годов XX в. у калмыков встречались формы заключения брака, которые не требовали сватовства и свадьбы [Шалхаков 1982: 32]. С. В. Фарфоровский писал, что у ставропольских туркмен также существуют обычаи «похищения женщин» [Фарфоровский 211: 253]

В исторической литературе принято считать, что основной и самой веской причиной умыкания у кочевников Юга России в дореволюционный период было стремление избежать значительных материальных расходов, связанных со сватовством и свадьбой [Эрдниев 1985; Шалхаков 1982; Батмаев 2008; Шараева 2011; Фарфоровский 2011]. Часто данный брак в глазах общества являлся фиктивным похищением, так как он заключался с негласного обоюдного согласия родителей, которые не могли себе позволить выплату свадебного взноса и проведение свадебных обрядов. Так, в 1816 г. Главный пристав калмыцкого народа Я. К. Ваценко отмечал широкое распространение фиктивного похищения невест в начале XIX в. [НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 161. Л. 119–119об.]. В туркменском обществе умыкание невесты, как и у других тюркских народов, кроме экономических причин, могло использоваться для ускорения процесса заключения брака, если выплата калыма затягивалась [Клейнбах 2011: 92]. К слову, брак умыканием у туркмен считался преступным только в том случае, если девушка была засватана за другого [Фарфоровский 2011: 252–254].

По нашему мнению, распространенности брака умыканием как в калмыцком, так и в туркменском обществе способствовал и комплекс причин, напрямую связанных с политикой правительства Российской империи по ограничению территорий кочевий. Невозможность функционирования кочевого скотоводства в новых границах привела к длительному кризису кочевого скотоводства, что стало причиной обнищания населения и вызвало за собой появление новых форм хозяйствования, отходничества [Батыров 2013: 11].

22 января 1832 г. туркмен Сюин Аджиева рода Нур Магомет Заров принес жало-

² Эфенди — имам у народов Северного Кавказа.

бу голове Али Аметову в том, что четыре дня назад в «полуночное время» на кочевье отца его Зара Камбулатова напали 30 или 40 человек того же рода во главе с Караджи Ярболдыевым, схватили дочь Зара по имени Ширинджа, затем разбили сундук, забрали деньги в сумме 225 «целковых» и разные вещи. Попутно они случайно нанесли увечья маленькой девочке, а самому Зару Хамбулатову выдрали половину бороды и удалились «в тоже ночное время». Как стало известно Нур Магомету Зарову, Ширинджу скрывали в кочевье Абдуллы Аллагул Аджиева из Човдутова рода. Али Аметов приказал собрать почетных стариков стариков Човдутова рода и отобрать Ширинджу, деньги и вещи, а также освидетельствовать «в чем состоит увечье девочки» [ГА СК. Ф. 408. Оп. 15. Д. 816. Л. 27].

Более подробно об этом похищении сообщалось в донесении к Главному магометанских народов приставу от 22 января 1832 г. Так, нападавших было примерно 30 человек, в их числе сам Караджа Ярболдыев с двумя сыновьями и семью племянниками, которые, кроме указанных преступлений, еще и увели 12 лошадей (через три дня эти лошади были найдены брошенными в степи). Малодербетовский пристав Ленкевич, прибыв в с. Владимировка и узнав об этом преступлении, выслал 6 казаков и 50 вооруженных калмыков для сбора сведений. Но они из-за глубокого снега к моменту составления донесения они не прибыли на место [ГА СК. Ф. 408. Оп. 15. Д. 816. Л. 27].

14 февраля 1832 г. Главный магометанских народов пристав, майор Смирнов в результате проведенного следствия выяснил, что сын Караджи Ярболдыева по имени Курбанджан вместе похищенной Ширинджой «удалился из туркменских кочевий и живет в Екатериноградской станице у Статского Советника Ростованова». Сообщивший ему эти сведения пристав туркменского народа Янковский просил его обратиться к Ростованову с требованием высылки «Курбанджана Караджиева и Ширинджи Заровой». Главным вопросом у всех причастных к этому делу был только один: отбирать или не отбирать у Курбанджана Караджиева похищенную им Ширинджу Зарову, которую он называл своей женой, если она покажет, что «на похищение и замужество было ее добровольное согласие». Эта неясность сразу привела к тому, что голова Али Аметов,

не желая ввязываться в столь сомнительное дело, «под предлогом болезни не исполнил ничего» [ГА СК. Ф. 408. Оп. 15. Д. 816. Л. 28]. 25 марта 1833 г. преемник Янковского на посту пристава туркменского народа капитан Кананов сообщил Главному приставу, майору Смирнову, что доказано причинение «Зара Камбулатову с женою и дочерью побоев и ограблении вещей на сумму выше 1 000 рублей». Но в конечном итоге капитан Кананов пришел к выводу о виновности обеих сторон: «А как оные по существу заключает в себе самоуправство буйство и грабеж одного. И облыжное показание в противном другого» [ГА СК. Ф. 408. Оп. 15. Д. 816. Л. 34]. Таким образом, за историей похищения скрывалось похищение невесты по согласию в целях снижения расходов на свадьбу и ускорения процесса.

Если по каким-либо причинам брак у туркмен не был заключен или распался, то семья жениха требовала возврата уплаченного калыма и всех затрат, связанных с бракосочетанием. Неудивительно, что, кроме случаев, когда семья жениха обманывала с выплатой калыма семьей невесты, случались и обратные случаи. Так, в 1833 г. туркмен Кульнияз Егениязов Човдутова рода подал прошение туркменскому приставу Янковскому на Ахмета Ноубетова о невозвращении калыма. Как оказалось, брат Кульнияз Егениязова Аллагол засватал дочь Ахмета Ноубетова по «трухмянскому своему обыкновению», но «после вышесказанного Ахмета дочь умерла». После этого Кульнияз стал просить вернуть ему калым «скатину и вещи», но Ахмат Ноубетов ничего ему не вернул. Неоднократные жалобы кади Юсупу Худайбердиеву ни к чему не приводили, пока истец не узнал о том, что кади приводится зятем Ахмату Ноубетову. Поэтому А. Ноубетов стал просить пристава Янковского передать дело на рассмотрение в шариатский суд Сюин-Аджиевским кадиям и почетным муллам [Ф. 408. Оп. 1. Д. 778. Л. 4].

Дальнейшие события растянулись на длительный срок. 4 марта 1832 г. Главному магометанских народов приставу поступило донесение о том, что Ахмат Ноубетов не явился из-за «старости и слабости», а вместо него пришел его сын Дендже Ахматов, который признал себя должным по иску Кульнияза только на сумму 520 руб. Эти деньги он обязался заплатить сразу, а по остальной части калыма он согласил-

ся разобрать дело в шариатском суде. Из указанной суммы Дендже заплатил сразу 200 руб., а от платежа остальных уклонялся, пока сам пристав не задержал его и не посадил под «караул», и тогда должник заплатил остальные 220 руб., из которых 100 руб. снова утаил. Свое поведение он оправдывал тем, что засватавший его сестру жених Аллагул Егельниязов «разрушил брачный союз, когда женился на другой». Однако это же решение подтвердил шариатный суд в составе головы Али Аметова и старшины Османа Тангатарова, присудивший вернуть калым обратно родителям Аллагула [ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 778. Л. 28–29].

Отдельно надо упомянуть о том, что, в отличие от калмыков, туркмены в редких случаях в качестве калыма давали не только деньги и скот, но и зависимых людей. Так, в 1829 г. туркменка Човдунова рода Кульхан Солтанова подала прошение туркменскому приставу Баранову о том, что она просит отдать ей часть имущества от умершего уже 3-й год Исы Одеджеева, а также «девку отданную мне Одеджеевым в калым» за ее дочь [ГА СК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 590. Л. 1, 4].

Таким образом, обычай уплаты калыма у кочевников Юга России служил защитой экономических интересов молодой семьи. Однако у калмыков калым исчез в более ранние периоды, превратившись в свадебный взнос, состоявший из взноса, предназначенного для свадебного пиршества, и взноса, являвшегося вкладом в хозяйство вновь созданной семьи. При этом, в отличие от калмыков, у которых сватовство невесты представляло собой достаточно длительный процесс, у туркмен сватовство как таковое просто отсутствовало.

Основной проблемой при установлении калыма у туркмен было расхождение норм адата и мусульманского права, которые трактовали суть калыма по-разному. Несмотря на всевозрастающую роль мусульманского духовенства в туркменском обществе, повлиять на устоявшиеся взгляды на калым как на «покупку невесты» они не могли. Отдельно надо упомянуть о том, что туркмены в редких случаях в качестве калыма давали не только деньги и скот, но и зависимых людей, в отличие от калмыков.

Политика российского правительства по религиозным вопросам среди калмыков и ставропольских туркмен привела к возрастанию роли духовенства в свадебной обрядности, что в условиях кризиса кочевого ско-

товодства, вызванного сокращением кочевых территорий в первой половине XIX в., привело к появлению практик квазисвадебного обряда «брака умыканием».

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
ГА СК — Государственный архив Ставропольского края.

Литература

- Айтбаева Ж. С.* Проблемы регулирования имущественных отношений в формировании семьи // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1–3 С. 187–190.
- Бакиева Г. Т.* Калым и приданое у сибирских татар (XIX – начало XX вв.) // Традиция. Духовность. Правопорядок: мат-лы V Всероссийской науч. конф. (21–22 мая 2010 г.). Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2010. С. 111–112.
- Батмаев М. М.* Семья и брак в традициях калмыков. Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 256 с.
- Батыров В. В.* Брак умыканием у калмыков в первой половине XIX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 10–12.
- Гоов И. М.* Система обычного права народов Кавказа: институты брака и семьи // Вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 30. Вып. 2. С. 49–57.
- Душан У. Д.* Обычаи, обряды и традиции калмыков в конце XIX – начале XX вв. // Этнографический сборник. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1976. С. 3–54.
- Клейнбах Р., Салимжанова Л.* Умыкание невесты и обычное право в Кыргызстане // Этнографическое обозрение. 2011. № 3. С. 89–104.
- Наумкина В. В.* Условия брачного договора в обычном праве сибирских кочевников (первая половина XIX века) // Право и образование. 2014. № 11. С. 148–152.
- Фарфоровский С. В.* Народно-юридические обычаи туркмен Ставропольской губернии: этнографический очерк // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Т. III. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 249–256.
- Шалхаков Д. Д.* Семья и брак у калмыков (XIX – начало XX вв.). Историко-этнографическое исследование. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 86 с.
- Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI вв.). Элиста: НПП «Джангар», 2011. 224 с.

Эрдниева У. Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. 3-е изд., перераб. и доп. Элиста: Калм. кн. изд-во. 1985. 282 с.

Sources

NA RK — *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia]:

GA SK — *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraia* [State Archive of Stavropol Krai]:

References

- Aytbaeva Zh. S. *Problemy regulirovaniya imushchestvennykh otnosheniy v formirovaniy sem'i* [Regulation of property relations in family formation]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* (Topical Issues of Humanities and Sciences journal), 2016, No. 1–3, pp. 187–190 (In Russ.).
- Bakieva G. T. *Kalym i pridanoie u sibirskikh tatar (XIX – nachalo XX vv.)* [Siberian Tatars: qalym and dowry (the 19th-early 20th cc.)]. *Traditsiya. Dukhovnost'. Pravoporyadok: materialy pyatoy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (21–22 maya 2010 goda)* [Tradition. Spirituality. Public Order. Proc. of the 5th all-Russia scientific conf. (21-22 May 2010)]. Tyumen, Tyumen Law Institute (Ministry of Internal Affairs of Russia) Press, 2010, pp. 111–112 (In Russ.).
- Batmaev M. M. *Sem'ya i brak v traditsiyakh kalmykov* [Traditions of the Kalmyks: family and marriage]. Elista, Gerel Publ., 2008, 256 p. (In Russ.).
- Batyrov V. V. *Brak umykaniem u kalmykov v pervoy polovine XIX v.* [Marriage by abduction among the Kalmyks in the first half of the XIX century]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS), 2013, No. 4, pp. 10–12 (In Russ.).
- Dushan U. D. *Obychai, obryady i traditsii kalmykov v kontse XIX – nachale XX vv.* [Customs, rituals and traditions of the Kalmyks in the late 19th-early 20th cc.]. *Etnograficheskiy sbornik* (Ethnographic Collection), No.1, Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History Press, 1976, pp. 3–54 (In Russ.).
- Erdniev U. E. *Kalmyki: Istoriko-etnograficheskie ocherki. 3-e izd., pererab. i dop.* [The Kalmyks: historical and ethnographic sketches. 3rd ed. Suppl. and rev.]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 282 p. (In Russ.).
- Farforovskiy S. V. *Narodno-yuridicheskie obychai turkmen Stavropol'skoy gubernii. Etnograficheskiy ocherk* [Folk and legal customs of Turkmens residing in Stavropol Governorate. An ethnographic sketch]. *Opal'nye: Russkie pisateli otkryvayut Kavkaz. T. III* [The Disgraced Ones: Russian writers discovering the Caucasus]. Stavropol, Stavropol State University Press, 2011, pp. 249–256 (In Russ.).
- Goov I. M. *Sistema obychnogo prava narodov Kavkaza: instituty braka i sem'i* [The common law of peoples of the Caucasus: the institutions of marriage and family]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta* (Herald of Dagestan State University), 2015, vol. 30, iss. 2, pp. 49–57 (In Russ.).
- Kleynbakh R., Salimzhanova L. *Umykanie nevesty i obychnoe pravo v Kyrgyzstane* [Non-consensual bride kidnapping and tradition in Kyrgyzstan]. *Etnograficheskoe obozrenie* (Ethnographic Review journal), 2011, No. 3, pp. 89–104 (In Russ.).
- Naumkina V. V. *Usloviya brachnogo dogovora v obychnom prave sibirskikh kochevnikov (pervaya polovina XIX veka)* [Marriage contract terms in the customary law of Siberian nomads]. *Pravo i obrazovanie* (Law and Education journal), 2014, No. 11, pp. 148–152 (In Russ.).
- Shalkhakov D. D. *Sem'ya i brak u kalmykov (XIX – nachalo XX vv.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Kalmyks (19th-early 20th cc.): family and marriage. A historical and ethnographic study]. Elista, Kalm. Book Publ., 1982, 86 p. (In Russ.).
- Sharaeva T. I. *Obryady zhiznennogo tsikla kalmykov (XIX – nachalo XXI vv.)* [The Kalmyks (19th-early 20th cc.): life-cycle rituals]. Elista, Dzhangar Publ., 2011, 224 p. (In Russ.).

«ВЫКУП НЕВЕСТЫ» У КАЛМЫКОВ И СТАВРОПОЛЬСКИХ ТУРКМЕН В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Валерий Владимирович Батыров¹

¹ кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: baturov@kigiran.com

Аннотация. Статья посвящена вопросам изучения выкупа невесты у туркмен и калмыков в первой половине XIX в. на основе анализа материалов Национального архива Республики Калмыкия и Государственного архива Ставропольского края. Автором рассмотрен обычай уплаты калыма у кочевников Юга России, который был обусловлен защитой экономических интересов молодой семьи. По мнению автора, у калмыков калым исчез в более ранние периоды, превратившись в свадебный взнос, состоявший из взноса, предназначенного для свадебного пиршества, и взнос, являвшийся вкладом в хозяйство вновь созданной семьи. При этом, в отличие от калмыков, у которых сватовство невесты представляло собой достаточно длительный процесс, у туркмен сватовство как таковое просто отсутствовало.

Интересно то, что большой проблемой при установлении калыма у туркмен стало расхождение норм адата и мусульманского права, которые трактовали суть калыма по-разному. Несмотря на всевозрастающую роль мусульманского духовенства в туркменском обществе, повлиять на устоявшиеся взгляды на калым как на «покупку невесты» они так и не могли в течении всего XIX в. Отдельно надо упомянуть то, что, в отличие от калмыков, туркмены в редких случаях в качестве калыма давали не только деньги и скот, но и зависимых людей.

Политика российского правительства по религиозным вопросам среди калмыков и ставропольских туркмен привела к возрастанию роли духовенства в свадебной обрядности, что в условиях кризиса кочевого скотоводства, вызванного сокращением кочевых территорий в первой половине XIX в., привело к расширению практики свадебного обряда «брака умыканием».

Ключевые слова: выкуп невесты, калым, кочевники Юга России, калмыки, ставропольские туркмены, семья и брак, традиционная культура, обычное право.